

Безбашенная компания

В Музее Блока справили 100-летие «Башни» Вячеслава Иванова

КоммерсантЪ — 2005 — 26 янв. — с. 22

ВЫСТАВКА литературные мифы

В Музее-квартире Александра Блока открылась выставка «К 100-летию „Башни“ Вячеслава Иванова», самого знаменитого литературного салона Петербурга Серебряного века. Фотографии, дружеские и не очень шаржи, первые издания с автографами авторов, архивные раритеты — из всей этой литературной археологии составлено подобие инсталляции с несуразным дизайнерским объектом посредине. Нечто, символически изображающее обелиск, с цитатами из писем и многочисленных про «Башню» воспоминаний, в которых только и живет этот образцовый петербургский миф. Комментирует АННА ТОЛСТОВА.

Дом 35 по Таврической улице с угловым эркером-башней можно бы было увешать мемориальными досками от фундамента до крыши. До революции здесь помещалась частная художественная школа Елизаветы Званцевой, где учительствовали мирискусники, Бакст и Добужинский, а учились, как выяснится чуть позже, авангардисты вроде Шагала и Матюшина. После революции — Таврическое художественное училище, из которого вышла добрая треть ленинградских нонконформистов. Но главное — осенью 1905-го квартиру на последнем этаже сняли приехавшие из Швейцарии Ивановы, начались легендарные «среды». Тут добросовестный филолог должен зачитать святцы имен этак во сто.

Пестрая компания — яркие сюжеты. Собрание вываливается на крышу, и Блок, взгро-

моздившись на раму для телефонных проводов, в пятый раз на бис бубнит «Незнакомку». Кузмин «приятным баском» напевает за роялем «Александрийские песни». Задразненный символистами Гумилев впервые произносит слово «акмеизм». Мейерхольд ставит в «Башенном театре» кальдероновское «Поклонение Кресту», изобретая трюки в духе *commedia dell'arte*, Судейкин же мастерит для действия свои лучшие, быть может, костюмы. Луначарский обсуждает с Бердяевым и Розановым, можно ли в русском пролетариате видеть перевоплощение античного Эроса.

В Россию ницшеанца Вячеслава Иванова и его экстравагантную — красный хитон и рыжая копна волос — супругу аристократку-социалистку Лидию Зиновьеву, взявшую литературный псевдоним Аннибал (в роду зна-

чился арап Петра Великого), привела революция: здесь становилось интереснее, чем в дряхлеющей Европе. У них был дар собирать людей: набежали символисты, подтянулись будущие акмеисты, соседи снизу, из школы Званцевой, привели с собой весь «Мир искусства», Мейерхольд — театр Комиссаржевской. Обсуждали синтетический театр будущего. Проповедовали дионисийство и мистический анархизм. Думали, как лучше сочетать индивидуализм с соборностью. Ниспровергали буржуазные устои, собирались практиковать оргии и свободную любовь на античный манер — недаром же Иванов штудировал римскую историю у самого Теодора Моммзена. Впрочем, до дела, кажется, не дошло (если не считать компанию Кузмина, компетентную в этом вопросе и без всякого Мом-

мзена) — разве что супруги Ивановы расстроили брак супругов Волошиных, а Зиновьева-Аннибал незадолго до смерти написала лесбийскую повесть «Тридцать три урода», запрещенную цензурой в либеральнейшем 1907-м. Словом, «духовная лаборатория», как это называл Бердяев, жила не скучно. По городу поползли слухи. Нагрянул отряд городских. Матюшку Волошина, ходившую по последней парижской моде коротко стриженной и в шароварах, как наиболее подозрительную, забрали в участок. В ходе обыска у Мережковского пропала шапка. На следующий день потерпевший напечатал в «Руле» открытое письмо министру внутренних дел: «Ваше Превосходительство, где моя шапка?»

Шапка нашлась на другой день. Башенных ниспровергателей буржуазности, нес-

мотря на все их старания, так и не записали в революционеры, разве что в 1990-е, когда об ивановских дионисийцах заговорили как о пионерах отечественного гей-движения. Кто из этих модников, пророчествовавших о грядущих потрясениях, мог подумать, что из музыки революции родится такая трагедия? Сам Вячеслав Великолепный, как прозвал его Шестов, очутился в Баку, где защитил-таки диссертацию про «Дионис и прадионисийство», — и успел удрать в Италию. Прочие эмигранты, настоящие, уплывшие на философских и нефилософских пароходах, и «внутренние», строчили мемуары, в которых вынуждены были признать, что ивановская «Башня» была, в общем, конструкцией из благороднейшей слоновой кости.